

ka, a zejména studii Veroniky Honcové o jeans-próze s širokým komparatistickým záběrem. Autorka se ve svých úvahách (ovlivněna Alexandrem Flakerem) dostává od literárních podnětů románu amerického spisovatele Jerome Davida Salingera *Kdo chytá v žitě*, přes paradigmatický román německého spisovatele Ulricha Plenzdorfa *Nová utrpení mladého Werthera* až ke konkrétním literárním paralelám v srbské, polské, české a slovenské, ale zejména chorvatské literatuře, na níž podrobněji (zejména na dílech Antuna Šoljana) demonstruje základní teze jeans-prózy.

Z dalších příspěvků bych chtěla zmínit např. práci Ivana Dorovského o recepci Mickiewiczova díla u Charvátů, M. K. Nedvědové o recepci Prešernova díla v české kultuře, nové poznatky o díle Desanky Maximovič od Miodraga Sibinoviče, studii Antonína Měšťana o vřelém vztahu T. G. Masaryka ke Slovincům, práci z pera Vladimíra Kříže o Plovdivu jako významném centru bulharského obrození či úvahu Jana Vitoně o tzv. albertusech, nápaditých polských textech pojednávajících o kněžích bouřících se proti nesmyslnosti války jako takové v době, kdy i oni na konci 16. století byli povolováni do války proti Tatarům – autor postavu kostelníka a venkovského učitele Alberta vnímá jako částečnou paralelu českého Švejka.

Soňa Blažková

НОВАЯ МОНОГРАФИЯ О ВЛАДИМИРЕ НАБЕКОВЕ

А. В. Злочевская: *Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX века*. Москва, Издательство Московского университета 2002, 185 с.

Московский литературовед Алла Злочевская известна читателям брненских журналов своими статьями, посвященными М. А. Булгакову (*Opera Slavica* 2001, 1) и Владимиру Набокову. Ее статья *Влияние идей русской литературной критики XIX-XX вв. на эстетическую концепцию Владимира Набокова* (*Slavica Litteraria* X 4, 2001) является своеобразной увертюрой к рецензируемой книге, основанной на тонком сравнительном анализе университетских лекций Набокова о русской литературе и целого комплекса русской критики, эссеистики и изящной словесности. Оказывается, что набоковская проза связана с отечественной литературой гораздо сильнее, чем предполагалось.

Сжата, но оригинальными мыслями насыщенная монография Злочевской построена на сложной системе сопоставления мыслей, содержащихся в русской поэзии и прозе, начиная с Жуковского и Пушкина, продолжая Чеховым, Достоевским и кончая анализом русской сатиры, представленной творчеством Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Злочевская убедительно доказывает, что эксплицитно высказанные симпатии или антипатии Набокова к отдельным авторам никак не связаны с тем, насколько затронута их творчеством набоковская беллетристика. Особенно наглядно это проявилось у писателей, которых Набоков недолюбливал, – у Достоевского и Салтыкова-Щедрина. Интересно, что у любимого Набоковым Пушкина Злочевская подчеркивает прежде всего эстетическую близость обоих авторов: осуждение непонимающей поэта толпы и наслаждение самим процессом творчества, так как „сочинительство – единственный способ преодоления экзистенциального трагизма человеческой жизни“ (71). Жаль, что автор ограничивается лишь анализом пушкинской лирики и романа *Евгений Онегин*. Блестящей пушкинской прозе, опередившей своей сжатостью поэтику чеховских рассказов, а также набоковской прозы, Злочевская не уделяет никакого внимания. Причем именно в пушкинских *Повестях Белкина* уже зарождается тот характерный прием игры с читателем, который Злочевская так блестяще характеризует, анализируя творчество Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Интересны именно те части монографии, в которых автор сопоставляет поэтику романов Набокова с творчеством Чехова, Достоевского, Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Примером тонкого анализа Набокова на фоне творчества Достоевского может служить интерпретация романа *Лолита*, центральной идеей которого Злочевская удачно считает „соотношение греха и свободной воли человека“ (117). Она подчеркивает, что „Набоков вскрыл изначальный трагизм извра-

щенного эротического чувства“ (122). Констатируя реминисцентную ориентацию Набокова на Достоевского, Злочевская подчеркивает, что русско-американский автор „стремится вернуть мировое искусство XX в. к ... экзистенциальным и этическим ценностям“ русской классической литературы (130).

Интересны также наблюдения автора монографии о русской классической и набоковской сатире, использующей прием игры и образа зеркала, представляющего собой „вторую реальность“. Таково сопоставление гоголевских *Игроков* и набоковского романа *Защита Лужина*, в которых игра становится „моделью существования“ (150). Монографию завершает выше приведенная глава о взаимоотношении эстетической концепции Набокова и русской критической мысли 19–20 столетий. Злочевская подчеркивает синтетизирующий характер набоковского творчества, в котором своеобразно перекодированы импульсы эстетики русского символизма и теории „остранения“. Истоки фантастического или мистического реализма Набокова автор находит в сюрреализме. Монография насыщена импульсами для дальнейших исследований – особенно в области структуры набоковской прозы.

Дануше Кишицова

SZEGEDSKÉ (SEGEDÍNSKÉ) CENTRUM MAĎARSKÉ SLAVISTIKY

Cirill és Metód példaját követve... Tanulmányok H. Tóth Imre 70. születésnapjára. Red.: Bibok Károly, Ferincz István, Kocsis Mihály. Szeged 2002.

Hungaro-Ruthenica II. Red.: Kocsis Mihály. Szeged 2001.

Univerzita v Szegedu (Segedín) na jihovýchodě Maďarska je jednou z několika institucí, s nimiž má Masarykova univerzita opravdu plnohodnotné styky. Jak je známo, partnerství je v různých vědních oblastech různě realizováno – pokud jde o filologii, rozvíjí se v posledních letech zejména z iniciativy romanistiky (Petr Kyloušek – společné multilaterální programy a konference) a slavistiky (zde alespoň na úrovni návštěv, účasti na konferencích, výměn publikací apod.). Univerzita působí ve městě, které svým charakterem (asi 250 000 obyvatel, typické město podunajské monarchie s bohatou secesní architekturou) připomíná podobná města ve střední Evropě, tedy i Brno – stejně jako Krakov, Lvov, Vídeň nebo Praha – ovšem s poněkud odlišnou starší historií a včerejší a dnešní funkcí a významem. Szeged bylo v inkriminované době, kdy zde kvetla secese, bohatým městem se silnou židovskou vrstvou: ostatně synagoga dodnes zdobí toto město, které i nyní patří k centrům židovské kultury v Evropě.

Na Filologické fakultě mají kromě agilní hungaristiky a obecné literární vědy silnou germanistiku; současný děkan Berta Árpád – slavista a germanista – kultivuje také turečtinu. Ale je tu ovšem také slavistika – pro Maďary vždy klíčová – s dominantní rusistikou a ukrajinistikou (to připomíná naše poměry) a ovšem češtinou – alespoň na úrovni lektorátu. István Ferincz tam kultivuje staroruskou literaturu, Katalin Szöke přednáší moderní ruskou literaturu, ale zná taky dobře česky (docela nedávno přeložila esej Ludvíka Vaculíka), Mihály Kocsis je ukrajinista a vydává sborníky, které se zabývají životem Rusů a Ukrajinců, ale také sledují starou uherskou svatoštěpánskou tradici ve střední Evropě.

Festschrift na počest lingvisty Imre Tótha, slavisty a bulharisty, znalce srovnávací gramatiky slovanských jazyků, je jak lingvistický, tak literárněvědný: je to vskutku reprezentativní svazek čítající více než 600 tiskových stran. I když není tematicky anebo metodologicky koncentrovaný, může být pokládán za resumé současné szegedské slavistiky a jejích mezinárodních styků, současně však i szegedské filologie jako takové.

Ze studií, které jsou psány maďarsky a různými slovanskými jazyky, se zmíníme jen o některých. Klíčovými tématy a snad pro nás nejpřenosnějšími, jsou výzkumy hungaro-slavistické, i když právě v tomto sborníku nepřevažují: nicméně studie Doroty Várnai o polské a maďarské